

Потерянное преимущество

Демократические государства лучше подготовлены к кризисам, чем автократии. США сознательно лишились этой силы.

Эта статья также доступна на немецком / английском языке

Есть старая поговорка о том, что кризисы не формируют человека, а скорее показывают, из чего он сделан. Это справедливо и в отношении политических систем: в кризисные времена их ключевые достоинства и слабости проявляются во всей красе. С началом коронавирусного кризиса много говорилось о том, что на его фоне проявились системные слабости китайского авторитаризма.

Искаженные восходящие и нисходящие информационные потоки в Китае мешали раннему пониманию природы и глубины кризиса. Для местных властей в Ухане сохранение благосклонности партийных элит было более приоритетной задачей, чем здоровье и материальное благополучие граждан – сформировалась благоприятная почва для замалчивания реального положения вещей, что позволило катастрофе «вырваться наружу». Бюрократическая природа пекинского режима и его расчет на «производительную легитимность» (гражданам, в обмен на отказ от их свободы, обещана эффективность государственного управления) породили для него соблазн скорее пресекать плохие новости и подавлять сложные вызовы, нежели справляться с ними в открытую.

Аналогичные ошибки правительства и внутреннее противостояние национальных элит поспособствовали превращению Ирана в новый эпицентр пандемии – это еще один аргумент в пользу тезиса о слабости авторитаризма в условиях кризиса. Но по мере распространения заболевания обнажались не только пороки авторитарных режимов.

В теории характерные черты демократии: свобода прессы и информации; ответственность политиков, партий и правительственных структур перед гражданами и доверие граждан по отношению к ним; назначение высокопоставленных

должностных лиц на основании их заслуг, а не связей, — должны способствовать преодолению кризисов. Но коронавирус четко показал, каких масштабов — в отдельных случаях — достиг разрыв между теорией и практикой демократии.

Разные пути

В последние годы демократические страны шли самыми разными путями. В некоторых из них демократия сохранила свою устойчивость. Таким странам удалось задействовать естественные плюсы демократии в борьбе с текущим кризисом. В других же странах демократические нормы и институты деградировали до того уровня, когда у теоретических плюсов демократии нет ни малейшей возможности себя проявить.

К первой категории относятся, например, скандинавские страны. Эксперты не устают оценивать демократии этих стран как сильные. И это подкрепляется тем, что уровень удовлетворенности демократией у скандинавских граждан и показатели социального доверия остаются очень высокими. Убедительным подтверждением тому служит реакция на нынешний кризис со стороны правительственных структур и населения данного региона.

Датское правительство социал-демократического меньшинства оперативно обсудило пакет антикризисных мер с профсоюзами, ассоциациями работодателей и другими политическими партиями и согласовала с ними «общенациональный карантин», предусматривающий радикальные меры по ограничению распространения вируса и защищающий граждан и бизнес от наихудших последствий неизбежного экономического спада. Среди этих мер — обещания покрыть не менее 75 процентов зарплат сотрудников частных компаний, которых в противном случае ожидала бы перспектива увольнения, а также кредиты, отсрочка уплаты налогов и другая помощь для бизнеса, который поддерживает работников на плаву.

В Швеции, как и в Дании, неоспоримой аксиомой является то, что в круг задач правительства входит обеспечение защиты населения и

Главная цель такого политического курса — облегчить скорейший перезапуск экономики через несколько месяцев (именно столько предположительно остается до завершения кризиса) путем профилактики банкротств и создания более благоприятных условий для возобновления бизнес-активности, поскольку коммерческим структурам не придется растрачивать усилия на поиск и

*национальной
экономики.*

трудоустройство новых работников. Оглашая беспрецедентный по своим масштабам и стоимости пакет датских антикризисных мер, министр финансов этой страны подчеркнул, что для правительства «нет никаких ограничений» в тех мерах, на которые оно готово пойти для защиты своей страны. Полномочия датского правительства по защите интересов датчан и национальной экономики не вызвали никаких вопросов.

Социальная ответственность

Тем временем Швеция изначально отреагировала на кризис менее суровым карантинным режимом, полагаясь больше на чувство социальной ответственности и солидарности своих граждан и рассчитывая тем самым добиться реализации ограничений на их поведение. Шведский премьер-министр Стефан Лёвен выступил с беспрецедентным обращением к нации, в котором он призвал шведов «взять в свои руки ответственность за самих себя, своих соотечественников и свою страну», выразить доверие органам государственной власти в принятии любых мер по обеспечению защиты населения и не терять веру в способность своего «сильного общества» выстоять в условиях кризиса.

Подобные призывы уместны лишь в стране, где у граждан есть высокая степень доверия друг к другу и к политическим институтам. Хорошо это или плохо, но обозреватели отметили в своих комментариях то относительное спокойствие, с которым шведские граждане и политики до сих пор справлялись с кризисом.

Что касается политического фронта, то тут шведское правительство тоже оперативно озвучило меры по поддержке граждан и бизнеса в кризисный период, включая покрытие зарплат работников во избежание временных увольнений, предоставление кредитов, налоговые каникулы и многое другое. Как и в Дании, шведские оппозиционные партии своей готовностью к сотрудничеству в парламенте поддержали национальное правительство социал-демократического меньшинства и его общую стратегию реагирования на нарастающий кризис. В Швеции, как и в Дании, неоспоримой аксиомой является то, что в круг задач правительства входит обеспечение защиты населения и национальной экономики.

Откат назад

На противоположной от скандинавских стран стороне политического спектра расположились Соединенные Штаты Америки. Эксперты сходятся во мнении, что за последние годы американская демократия пережила значительный откат назад, причем чрезвычайно снизились удовлетворенность гражданами демократией, равно как и их доверие друг к другу и к политическим институтам. Характер реакции американского правительства на текущий кризис четко подтверждает все эти тенденции.

Одним из наиболее поразительных аспектов первоначальной американской реакции стало глубокое расхождение между элитами и простыми гражданами по поводу базовых фактов. Изначально многие политики-республиканцы и значительная часть правых СМИ преподносили кризис как «фальсификацию», а сопутствующую «истерию» – как происки левых сил по «дестабилизации страны и уничтожению» Дональда Трампа. Одна авторитетная ведущая на телеканале Фок заявила зрителям, что шумиха вокруг коронавируса – это «еще одна попытка осуществить импичмент президенту».

Попутно республиканцы и другие представители правых элит отбрасывали предупреждения ученых по поводу кризиса, не считая их убедительными и даже рассматривая их как часть «заговора из недр глубинного государства» с целью нанести удар по действующему президенту. На начальных этапах Трамп принципиально поддерживал эти взгляды, а к предупреждениям экспертов относился как к «фальсификации», направленной на ослабление его позиций.

Одним словом, пример США ясно свидетельствует о значительном ослаблении многих характеристик демократии, которые должны обеспечивать ее более высокую антикризисную устойчивость.

Такие заявления транслировались простым гражданам и распространялись между ними. По результатам соцопросов, респонденты-республиканцы высказывали совершенно иной взгляд на ситуацию, чем сторонники Демократической партии: они проявляли гораздо меньшую склонность рассматривать коронавирус как серьезную угрозу.

Это изначальное расхождение во взглядах означало, что на администрацию Трампа, а также на остальных политиков-республиканцев меньше давила необходимость принятия безотлагательных и результативных мер. Хотя со временем республиканцы и проявили более серьезное отношение к сложившейся ситуации, как это имело место в Китае и других странах, однако отсутствие быстрой реакции американского правительства имело серьезные последствия.

Широко распространенное недоверие

Другим сдерживающим фактором для быстрой реакции стало широко распространенное недоверие (особенно в рядах республиканцев) к правительству и политическим институтам в целом. Президент Рональд Рейган (печально) знаменит своим высказыванием о девяти самых ужасных словах в английском языке: «Я из правительства, и прибыл сюда, чтобы оказать помощь». Как отметил один комментатор, «еще не было такого случая, чтобы подобный подход не вызвал смех у республиканцев. Если бы правительство просто отошло в сторону, мы все смогли бы вздохнуть свободнее и дела пошли бы лучше».

Тезис о недоверии к правительству, запущенный с легкой руки Рейгана, с растущим азартом впитывали в себя его преемники. Но как раз на фоне кризиса подобный взгляд кажется откровенно нелепым. Как отмечали многие, во время эпидемии трудно оставаться либертарианцем.

Еще до наступления кризиса недоверие к «большому правительству» направило администрацию Трампа на путь ослабления федеральной бюрократии. После победы Трампа на выборах 2016 года произошло урезание бюджетов государственных структур, и многие должностные позиции остались незаполненными. Там, где их удавалось заполнить, ключевую роль при назначении все чаще играл не профессионализм, а тест на лояльность.

Но в упадок пришла не только антикризисная дееспособность американского правительства. Трамп и республиканцы демонстрируют сегодня слабую готовность даже к признанию необходимости правительственных действий. Они воспользовались недоверием к «большому правительству» – а если брать шире, неприятием идеи того, что в круг задач правительства входит обеспечение защиты населения и экономики – как индульгенцией

для отказа от политического курса, который признавали необходимым даже представители консервативных сил других стран.

Недопущение вмешательства

Совсем недавно Трамп на полном серьезе решил воспользоваться своими президентскими полномочиями в рамках закона о военном производстве, чтобы заставить частный бизнес производить продукцию, необходимую для спасения жизней. Лоббистские усилия бизнеса и интересов консервативных сил были направлены против такого шага – недопущение прямого правительственного вмешательства было для них более значимым приоритетом, чем нужды американских граждан.

В результате этого у работников здравоохранения нет достаточного количества масок и прочей базовой защитной экипировки, и они испытывают острую нехватку тестов, аппаратов вентиляции легких и другого оборудования, необходимого для борьбы с разрастающейся катастрофой. Недавно в моем родном городе Нью-Йорке, одном из самых богатых в мире, с нами поделились историей о том, как медсестры в больницах вынуждены надевать на себя мешки для мусора, используя их как защитные средства.

Одним словом, пример США ясно свидетельствует о значительном ослаблении многих характеристик демократии, которые должны обеспечивать ее высокую антикризисную устойчивость. Без этих особенностей даже самая влиятельная и технологически продвинутая страна мира теряет почву под ногами. А когда речь заходит о преодолении масштабных вызовов, не говоря уже о кризисах, то даже активное гражданское общество или динамичный частный сектор не способны заменить хорошо отлаженную и оперативную работу правительства.

Эта статья является совместной публикацией Social Europe и IPS-Journal.

Шери Берман

Шери Берман (Sheri Berman) работает профессором политологии в Барнард-колледже при Колумбийском университете. Ее исследовательские интересы охватывают европейскую историю и политику, развитие демократии, популизм и фашизм, а также историю левых сил.

